

УДК 130.2

Изменения брачно-семейных отношений молодежи в обществе постмодерна

Е. М. Орлова

Любое общество характеризуется ценностно-нормативной системой, которая по мере развития социума, трансформируются в соответствии со складывающимися реалиями человеческого бытия. Сегодня определяющим фактором их трансформации является вступление общества в фазу постмодерна. Постмодерн как этап общественного развития сформировал свои принципы в оппозиции к следующим постулатам модерна.

Доминирующей для мировоззрения индустриального общества была идея общественного прогресса (модернизации) на основе освоения достижений научно-технической революции. Переход к индустриальной фазе развития общества связан с изменением способа производства. Теперь основная масса товаров производилась на заводах и фабриках. Это приводило к миграции населения из деревни в город: пролетарии стали терять связь с родителями, родственниками, представителями деревенской общины. Между ними контактов становится меньше.

Также выяснилось, что зарплата на промышленных предприятиях в разы больше, чем в традиционном сельском хозяйстве. Впервые в человеческой истории продолжение родительского дела массово перестало быть выгодной стратегией; напротив, выгоду получали те, кто, используя собственный ум и интуицию, осваивали новые профессии, переезжали за лучшей жизнью, открывали новое дело. Добавились плюсы городской жизни — новый способ организации досуга. Стала возникать и развиваться городская культура как форма его проведения. Но ключевой причиной стала все же возможность содержания себя и своей семьи в городе. П. А. Сорокин первый отметил тенденции трансформации семьи в городских условиях проживания, ввёл понятие «кризис семьи». Но в то же время он отмечал, что остановить этот

кризис — «значит изменить в корне всю организацию современного общества и вернуть ее на несколько веков назад...» [8, с. 66]. Одна из ценностных систем начала века отражала традиционный аграрный образ жизни, другая — новый индустриальный.

Переход от аграрной к индустриальной стадии нашёл выражение в следующих трансформациях культуры семейно-брачных отношений.

Отпавшая необходимость всем родственникам жить под одной крышей, привело к возникновению (вернее сказать к обострению) конфликта «отцов и детей», который завершился в пользу нового поколения. Расширенная патриархальная семья уступила место нуклеарной: муж, жена и их несовершеннолетние дети. Нормой стал уход из-под родительского крыла ещё в молодом возрасте.

Что ещё важнее, именно в молодёжной среде концепция важности выбора собственного жизненного пути получила широкое распространение. Личный, или как называют социологи, приобретённый социальный статус в профессиональной сфере, становится важнейшей характеристикой молодого человека индустриальной эпохи. Но только профессиональной сферой индустриальная эпоха не ограничилась: представления о важности самостоятельно принимать решения и жить своим умом распространилось на все области человеческой деятельности. В частности, подобно свободе выбора рода занятий и места жительства, укрепилась и свобода выбора в матримониальном поведении.

Идеал семьи индустриального общества выглядел так: муж работает на производстве, любящая жена занимается домашним хозяйством и растит детей; они живут в собственном доме/квартире и с надеждой смотрят в будущее. В целом, этот идеал вполне сохранился и в наши дни, хотя его позиции изрядно пошатнулись.

В развитии индустриальном обществе второй половины XX века распространился единообразный образ жизни. При этом религиозные ценности из вероучительных постепенно перешли в разряд культурных, приобретших значение морально-этических норм, организующих семейную жизнь. В этом таилась опасность дальнейшего разложения веры [7]. Она стала рассматриваться как что-то вовсе необязательное, а, следовательно, таковыми стали и некоторые нормы, регулирующие отношения человека в семейно-брачной сфере. На этапе индустриализации значительно видоизменились только взаимоотношения родителей и детей и произошёл некоторый сдвиг в общественном сознании в пользу приобретённого статуса и идеала «self-made man». Сформированные пласты общественной морали, общественные ценности, право и принципы семейных отношений, — затронуты не были.

Благодаря радикальному ускорению исторической и социокультурной динамики во второй половине XX века человечество оказалось в новой, никогда ранее не переживаемой ситуации.

А. Тойнби называл постмодернизмом историческую эпоху, начавшуюся после Первой мировой войны и связанную с концом западного господства в религии и культуре (т.е. началом мультикультурации) [9]. Аналогично начало постмодерна определял и А. Этциони, который считал, что постмодернистская эпоха начинается (условно) после 1945 года и приносит с собой альтернативный выбор: либо стремительное и неукротимое развитие технологий и технократизма, либо выбор новых ценностных ориентиров, которые открывают перспективу «активного общества» [14].

В 70-е годы XX века, когда 50–60-е годы ещё воспринимались как современность, обозначение социокультурной ситуации этого времени как постсовременности было совершенно естественным. Другое дело, что уже в 80-е годы этот термин перестал соответствовать временным градациям. Новая социокультурная ситуация стала современностью, но термин постмодернизм остался. Ведущие западные теоретики постиндустриализма (Д. Белл, Э. Тоффлер) понимают под постмодернизмом просто культуру нового общества, выразившуюся во всеобщем конформизме и эклектизме [1, 10]. И действительно, начавшееся на переходе от индустриальной стадии к постиндустриальной доминирование массовой культуры, некоторые авторы рассматривают как побочное дитя постмодернизма.

Отметим, что российский философ А. Я. Флиер несколько отодвигает границы постмодерна. Он считает, для России — это было падение Советской власти и распад СССР в начале 1990-х гг. (т.е. нашей совре-

менности чуть больше 25 лет). Для Запада, очевидно, — это внедрение в массовый обиход компьютера и переход к постиндустриальной стадии развития, а также «молодёжная революция», которая радикально либерализовала, прежде всего на социально-бытовом уровне, нормы современной культуры (то есть с момента начала западной современности прошло примерно 45 лет) [11].

Тема эволюции изменений ценностей стала популярной с середины 50-х годов, когда на смену старым добрым материалистическим ценностям выживания и материального достатка стали приходиться иные ценности (См работы Э. Бэнфилда, Г. Алмонда и С. Вербы [12, 13]). Главными ценностями становятся свобода во всем, отрицание всех норм и традиций, новизна, игровое начало, отказ от любых авторитетов. Отталкиваясь от противоречий современности, постмодернизм подчёркивает невозможность (в лучшем случае маловероятность) коллективного благополучия и в разных формах проповедует необходимость индивидуалистических основ общественного развития, неизбежность борьбы за выживание и анклавность благополучия [7].

Резкая смена духовно-нравственных ориентиров при переходе к информационному образу жизни в условиях постиндустриализма стала основной причиной нестабильного положения семьи. И надо согласиться с Т. А. Гурко, что семейная ценностная система начала XXI века, в частности, среди молодого поколения является результатом постиндустриального образа жизни [3, с. 27]. Ещё в 2003 году видный отечественный учёный в предметной сфере семьи и молодёжи В. Т. Лисовский писал: «В настоящее время, когда прежние ценности утрачены, а какие-то устойчивые ещё не найдены, особенно актуальными становятся проблемы брака и семьи» [6, с. 62.]. Кризис семейных ценностей в культуре общества постмодерна проявляется в различных аспектах, и прежде всего, в моральном. Это довольно опасная тенденция, так как расшатывание и общественных, и личных устоев относительно семьи и брака позиционируется как альтернатива формам культуры общества модерна.

Р. Инглетарт отмечает тенденцию перехода к новому типу ценностей, которые определяют поведение человека как субъекта производства и потребления, выразившуюся в резком расширении с середины 70-х годов прошлого века части «нематериалистически» мотивированных членов общества. У человека, прежде всего молодого человека, стали меняться ценностные ориентации — преобладающее внимание к удовлетворению своих физиологических потребностей и физической безопасности уступило место заботе о «качестве жизни» [5, с. 250]. Утверждение собственной независимости («состояться в жизни»)

стало рассматриваться как стержневой смысл индивидуального развития молодого поколения.

Постматериалистическая (постиндустриальная) ценностно-нормативная и мотивационно-потребительские системы в молодёжной среде имеет в большей мере социопсихологическую, нежели экономическую природу. Это связано с тем, что у молодого поколения, в начале его жизненного старта, за счёт его родителей были уже удовлетворены базовые потребности, что делает его устойчивым к депривации (т.е. к ощущению лишённости). «Если человек в раннем детстве был окружён любовью, вниманием и заботой близких людей, если его потребности в безопасности, в принадлежности и любви были удовлетворены, то, став взрослым, он будет более независим от этих потребностей, чем среднестатистический человек» [5, с. 256]. Молодые люди, освобождённые старшим поколением от необходимости удовлетворить основные психофизиологические либо социальные потребности, с большей готовностью способны осуществить отказ от принятых ранее социальных практик, нежели те, кто с обеспокоенностью воспринимает задачу обеспечения экзистенциальных потребностей. Поэтому именно в молодёжной среде следует ожидать большей готовности к восприятию культурных преобразований — в том числе формирование новой культуры семейно-брачных отношений.

Отсюда, материалистические ориентации в семейно-брачных отношениях должны быть преобразованы в сторону нематериалистических. В первую очередь это должно произойти потому, что старые нормы и ценности семейной жизни «неизбежно вступают в конфликт со свободой индивидуального самовыражения» [5, с. 255]. В том случае, когда у человека с рождения сформировались установка на то, что он сам выбирает как ему надлежит жить, «необязательная» норма брака и семьи попросту игнорируются. В тоже время, универсальные законы («не делай другому того, чего не желал бы себе» = «не мешай мне жить, как я хочу») становятся неукоснительными к исполнению. Сегодня в границах развитых стран установился высокий уровень эгалитаризма в семейных отношениях, а в развивающихся эта тенденция только усиливается.

На наш взгляд, это обусловлено следующими взаимосвязанными процессами.

Ещё в XIX веке работа по дому составляла у женщины практически третью часть её суточного бюджета времени, в XX веке, с появлением сферы сервиса, массовым изготовлением полуфабрикатов и готовой к употреблению пищи, а также приобретением стиральных машинок, холодильников, электропечей, микроволновок — для женщины затраты на ведение домашнего хозяйства значительно уменьшились. А

развитое постиндустриальное общество получило в лице представитель прекрасного пола дополнительные трудовые ресурсы, которые можно и нужно заставить работать наравне с мужчинами. Данное обстоятельство в кратчайшие сроки разрушило стереотип о семье как необходимой ячейки общества. В женщине увидели не придаток мужа, а полноправного человека, имеющего право на самореализацию не только в семье, но и в производственной сфере. XX век предоставил женщине сделать полноценную карьеру не в виде исключения, а как нормальное массовое явление. Эмансипация женщин стала возможной из-за стремления к удвоению трудовых ресурсов при переходе от индустриального к постиндустриальному обществу, а феминистские движения способствовали разрушению в общественном сознании устаревших принципов патриархального устройства семьи.

Кроме того, всё многообразие бытовой техники и развитая сфера сервиса существенно нивелируют смысл проживания совместно. Если ни один из партнёров не проявляет склонность к ведению домашнего хозяйства, то и совместное проживание лишается прагматического смысла. В то время как совместное проживание с родителями становится более осмысленным.

Ещё одно неоднозначное влияние на развитие семейно-брачных отношений (контактов) оказывают информационно-телекоммуникационные технологии. Становясь основой коммуникативного пространства членов семьи, по мнению В.В. Зотова и Т.Н. Каменевой, они стирают границу между домом и работой, между ближним (семейным) и дальним (друзья, коллеги, дальние родственники) кругом общения [4].

Происходит взаимообусловленный процесс маскулинизации женщин и феминизации мужчин, характеризующийся текучестью и подвижностью казавшихся ранее незыблемыми, как сама половая принадлежность человека, его гендерными ролями [2, с. 32]. Но если процесс маскулинизации женщины не сталкивается с серьёзным общественным сопротивлением, то в отношении встречного процесса феминизации мужчин существует определенная настороженность.

Ценностная норма «секса только в браке» отмирает, поскольку к сексу человек готов в 13–15 лет, а к браку не готовы многие из них и в 30 лет. Секс перестаёт ассоциироваться с браком: им занимаются не ради детей и не ради брака, а просто потому, что это приятно. В итоге он лишается социальной функции, поскольку не приводит к рождению и воспитанию детей. Необходимость регулировать сексуальные отношения со стороны институтов общества фактически отпала.

На семейно-брачном рынке появился слой лиц, которые не желают менять свою независимость на регистрацию официального брака. Нормой их жизни становится — учёба всю жизнь, поиск своего призвания. В этом случае, морально необременительной становится смена партнёров на протяжении своей жизни, поскольку это оправдано поиском своей второй половинки.

Эмансипация женщин в контексте её самореализации имеет ещё и такое последствие — брак, семья и рождение ребёнка становятся этапом карьеры, частью жизненного проекта. Они могут быть реализованы вместе с получением образования [15]. Это обуславливает две тенденции современности: 1) снижение рождаемости и повышение возраста молодых матерей как минимизация негативных последствий для их карьеры, 2) нарастающая независимость романтических отношений от процесса деторождения. «Дети» и «брак», по сути, — два проекта в плане личного саморазвития молодого человека.

Таким образом, общество постмодерна характеризуется трансформацией культуры семейно-брачных отношений, которую можно назвать кризисной, поскольку имеет место игнорирование традиционных ценностей. В этих условиях семья в том виде, котором она досталась человечеству от эпохи индустриализма, будет продолжать деградировать дальше. Происходит выхолащивание духовного смысла таких понятий как материнство, детство, брак и ряда других. Жить раздельно и воспитывать детей вне брака (в так называемых неполных семьях) становится нормой. А проектный подход к браку и рождению ребёнка уже полностью утвердился в развитых странах.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
2. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad marginem, 2000. 317 с.
3. Гурко Т.А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. № 4 (13). С. 26–44.
4. Зотов В.В., Каменева Т.Н. Расширение коммуникативного пространства человека как риск семейно-брачных отношений // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 1 (33). С. 13.
5. Инглегарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 631 с. С. 249–260.
6. Лисовский В.Т. Молодёжь: любовь, брак, семья: социол. исслед. / отв. ред. А.А. Козлов. СПб.: Наука, 2003. 365 с.
7. Савка А.В. Человек и общество в философии постмодерна // Учёные записки Российского государственного социального университета. 2006. № 2 (50). С. 115–128.
8. Сорокин П.А. Кризис современной семьи // Вестн. МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 1997. № 3. С. 65–79.
9. Тойнби А. Постигание истории: избранное. М.: Айрис-Пресс, 2008. 521 с.
10. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ Москва, corp., 2009. 795 с.
11. Флиер А.Я. Постмодерн как поиск новой культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2006. № 3-2. С. 1–11.
12. Almond G. A., Verba S. The civic culture; political attitudes and democracy in five nations. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1963. 562 p.
13. Banfield E. C. The Moral Basis of a Backward Society. Glencoe, Ill., Free Press, 1958. 204 p.
14. Etzioni A. The Active Society: A Theory of Societal and Political Processes. N. Y.: Free Press, 1968. 698 p.
15. Kameneva T. N., Zotov V. V. The project of the family through the youth's eyes // 3ND International Multidisciplinary Scientific Conferences «SOCIAL SCIENCES & ARTS SGEM 2016». Book 1. Psychology and psychiatry, sociology and healthcare, education. Volume II: Sociology and Healthcare. Sofia. Bulgaria: STEF92 Technology Ltd. Pp. 1077–1082.